

204
57
127

Секретарю ЦК ВКП(б) и
Председателю Комиссии Партийного Контроля
тов. Ефреву Н. И.

Уважаемый Николай Иванович,

В связи с постановкой на предстоящем пленуме ЦК ВКП(б) вопроса „Об аппарате ЦК Союза ССР и о т. Енукидзе“ и в результате Вашей беседы со мной по делам, обнаружившимся в аппарате ЦК'а и моей роли в этих делах, — в соответствии с указаниями моими объясненными Вам, — сообщу следующее:

За годы моей работы в аппарате ЦК'а Союза, структура, состав и размеры этого аппарата подвергались неоднократным изменениям, как в отношении процента партийной прослойки в нем, так и в отношении качества его работников. Сохранилась лишь небольшая группа старых работников, которые работают много лет. — Порядок приема работников аппарата ЦК'а, особенно той части аппарата, которая находилась в Кремле, всегда был такой, что входящий вновь поступивший работник проходил некоторый срок проверки (от месяца и более) и после отсутствия возражений в приеме того или иного сотрудника со стороны органов НКВД, работник получал установленный пропуск в Кремль. — Во время съездов, сессий или больших совещаний, те из сотрудников нашего аппарата или приглашаемые извне лица для обслужи-

ваши эти съезды, вносе особо проверялись. - Само собой
 разумеется, что во всех вопросах, касающихся проверки
 надежности сотрудников и вопроса охраны заседаний съездов,
 сессий и проч. ближайшее участие принимали органы НКВД.
 За все годы моей работы в аппарате ЦКК'а я не только
 ни одного конфликта с органами НКВД за исключением
 (и то очень редко) мелких несогласий, которые всегда ула-
 живались. - К счастью можно констатировать, что все
 наши съезды, конкурсы, сессии, как советские, так и
 иностранные, имевшие место за все годы - в смысле охраны
 прошли благополучно. Главная заслуга в этом, конечно, принад-
 лезит органам НКВД и Командатуре Кремля и моей согласо-
 ванной работе, которую они вели. -

Благодаря этим обстоятельствам, я откровенно заявляю
 Вам, что аппарат ЦКК'а, Командатуру Кремля и порядок
 охраны в Кремле я считал вполне надежным и не при-
 мал достаточно решительных мер в тех случаях, когда
 до меня доходили сведения в форме обычных аппаратных
 докладов и отчетов в той или иной части аппарата ЦКК'а. -
 Слушай о уборщице, о которой Командант Кремля доложил
 мне, что по сведениям она ведет контрреволюционные раз-
 говоры и о которой я, - вместо того, чтобы приказать немед-
 ленно ее арестовать и передать органам НКВД. - поручил
 Команданту "проверить эти сведения" (двух наговоров), ярко
 характеризует мою веру и мое отношение к порядку

охраны в Кремле и в их прошность в то время. -

В настоящее же время, после того, что было обнаружено в аппарате ЦК'а (библиотеке) и Командатуре Кремля, после того, - как и Вы правильно подчеркнули в беседе со мной, что т. Сталин давно и неоднократно заострял внимание всей партии о обязанности и особенно после письма ЦК по поводу убийства т. Кирова, я столь же откровенно заявляю, что считаю преступным попустительством с моей стороны, как выше приведенное мое распоряжение относительно уборщицы, так и следующие факты:

1. Своевременно не обратил должного и серьезного внимания на дошедшие до меня сведения, что в библиотеке Кремля ведется склочка, что там аппарат засорен чуждыми по своему социальному происхождению людьми. (При моих разговорах с заведующей библиотекой т. Соколовой о склочках в библиотеке и о лицах социально-чуждым происхождением, работающих в библиотеке, она не считала нужным увольнять этих лиц, как квалифицированных и дисциплинированных работников. Отмечу, что среди работников библиотеки велись контрреволюционные разговоры и что некоторыми сотрудниками имело место издевательство надом - я тогда не знал); -

2. Я дал распоряжение о зачислении Раевой в сотрудники библиотеки, где она ^{уже} работала несколько месяцев, пройдя стаж проверки, добавив: "если против приема Раевой

других данных, кроме ее сознательного происхождения не имеется."

3. Вопросы перевода из Кремля некоторых отделов аппарата ЦК'а и изменения порядка охраны и пропусков в Кремль проводились очень медленно, а затем были отложены до окончаний съездов советов (на март-апрель);

4. Хотя не помню, чтобы я когда-нибудь поручил Мимервиной обслуживать библиотеки руководящих товарищей, но я знал, что эта библиотека двух товарищей обслуживает и водит туда в помощь себе различных сотрудников из аппарата ЦК'а и я не вмешивался в это дело. Мимервина много лет работала у меня секретарем по приему, приводящая ко мне книг и по разбору входящей корреспонденции (кроме партийной) и пользовалась полным моим доверием. [Это касается библиотеки т. Сталина, но т. Сталин действительно отказался от услуг библиотечарки, но там речь шла о другой библиотекарше]. -

Кремлевская библиотека числилась за ЦК'ом, но другие учреждения Кремля обслуживали больше, чем ЦК. Из арестованных в библиотеке сотрудников я знал только Розенфельда, работавшего у нас еще с 1917 года и Раевского. Остальных: Мухомову, Туркову, Давыдову и арестованного сотрудника Оружейной палаты не знал лично. -

В разговоре со мной Вы упомянули Презента. Михаил Презент поступил к нам работать еще во ВЦК'е, кажется в 1920г.

Он то ушел от нас, то снова поступил в одно из наших

Ст. 131
208

учреждений. Мне известно было, что он "везнайка" - всех и все
знал, терся везде и всюду, но я, признаюсь, не считал его та-
ким, чтобы решительно не допускать его к работе в наших
учреждениях. -

Что касается очень серьезного вопроса о том, что якобы орга-
ны НКВД мне предъявляли требования об удалении из аппа-
рата ЦКК'а тех или иных ненадежных или вредных^{ных}, а я откло-
нял эти требования, то таких случаев я не помню. Может
быть было один-два случая за все многие годы моей работы в
ЦКК'е и то лишь в тех случаях, когда органы НКВД мотивиро-
вали свое требование только происхождением работавшего. -
Вы касаетесь вопроса о системе зарплаты в нашем аппара-
те и скажете, что сотрудники ЦКК'а Союза ССР, работавшие
в Кремле получали меньше, чем наши же сотрудники вне Крем-
ля или сотрудники других учреждений и не создавало ли это
озлобленность среди них. Правда, что сотрудники ЦКК'а получали
ниже ставки, чем во многих других учреждениях, но наши
сотрудники в Кремле пользовались более налаженным пита-
нием, во время съездов, сессий, совещаний, кроме еще более
улучшенного питания, хорошо приработывали сверх нормаль-
ной зарплаты, легче получали путевки в дома отдыха и
проч., так что недовольство или тем более озлобление на этой
почве не имели места.

Вот все об аппарате ЦКК'а, что имеет политическое значение
при обсуждении данного вопроса на пленуме ЦК. -

Далее Вы мне сказали, что я послал деньги сыновьям моему-
Виксам или поминал арестованным и их семьям.

Это тяжкое обвинение для всякого коммуниста и в особенности
для коммуниста занимающего ответственный государ-
ственный пост. Но как могло случиться, если действительно фак-
ты такой помощи действительно имели место с моей сторо-
ны? Не могу допустить, чтобы я мог помогать нашим против-
никам, если я знал о ком идет речь или кому помощь ока-
зывается. -

Вы мне назвали две фамилии - Раммивен и жене Кондратьева.
Раммивен Исидора я знаю хорошо. Помню, что он за время
советской власти много раз обращался в НКВД с различного
рода ходатайствами: о переводе из одного города в другой, о
возвращении ему взятой у него рухляка, о поездке в Грузию,
о выезде за границу и т. д. Денег, кажется, он не просил.

Вы сказали, что много ему были посланы в Мамкент 1500 руб.
Уходя от Вас я принимал, как и на это я мог ему послать
такую сумму и не мог вспомнить. Не ошибка ли здесь? Прому
выяснить это дело. Я Вам говорил, что дочери Раммивен я
помог на проезд из Москвы, кажется, в Астрахань или Баку,
так же как дочери Вл. Думбадзе выдал билет на проезд к
мне. Других фактов сейчас не припомню. Возможно что они были.
Как и при каких обстоятельствах жена Кондратьева
получала помощь совершенно ^{точно также как} ~~и~~ Кондратьева
ни его жене я не знал. - Если бы (смож даже вспомнить

те мотивы, которыми я руководился в каждом данном случае оказания такой помощи и если бы эти мотивы тогда могли бы до некоторой степени оправдать такую помощь, то в настоящее время ни фирматско, ни тем более по существу ни в какой степени нельзя оправдать приведенные факты помощи лицам, которые являлись нашими врагами. -

За все годы к нам, как секретарю ЦМК'а обратилось тысяч и десятки тысяч людей своих и чуждых за всякого рода помощью: продуктами, деньгами, обмундированием, билетом на проезд, путевкой в дома отдыха, за квартирой и т.д. и т.п. Такая широкая система помощи и пособий, как отдельным лицам, так и различным учреждениям и организациям, которая существовала при ЦМК'е, не могла избежать отдельных ошибок, неправильных выданных, целого рода нарушений, обид, жалоб и т.д. Я знаю хорошо, что много ошибок много было допущено в этих делах, но в каждый данный момент я этих ошибок не сознавал. - Были наверно допущены ошибки и при оказании помощи учреждениям. Вы спрашивали меня относительно помощи "Комсомольскому Музею" в Ленинграде. Я сейчас не помню обстоятельств этого дела, но помню хорошо, что в случае обращения к нам за помощью со стороны общественных, партийных или комсомольских организаций, мы, прежде чем решить

вопрос, запрашивали ЦК. Кроме того такие вопросы решались Президиумом ЦК'а. За письмо "Комсомольскому Музею" я также отвечаю, как один из членов Президиума ЦК'а.

Товарищ Брехв, я осуждаю себя, как руководителя учреждений и Коммуниста за излишнее заступничество, письмо и личное знакомство с сотрудниками, что с одной стороны, способствовало к распространению по моему адресу неверных и целостных для меня разговоров, а с другой стороны, и это особенно важно, вселяло надежду враждебным силам элементам через меня легче укрепиться в аппарате и проникнуть в то или иное учреждение. -

Концом мое письмо и заявляю: за все вышеприведенные ошибки я считаю себя ответственным, как непосредственный руководитель аппарата ЦК'а и те меры вынужденный, которые примет ЦК в отношении меня, буду считать правильными.

Я не могу не сказать Вам, что все это мне очень тяжело. Эта тяжесть еще более углубляется тем, что партия, в лице своих руководящих органов, оказывала мне большое доверие. -

С комм. приветом
А. Визурин

Москва.

29. мая 1935г.